

В туалете первого этажа тело Ли Ин лежало ничком на грязном полу, пропитанном кровью из раны на шее.

Справа на горле зияла рана — в двух пальцах от кадыка, прямо на сонной артерии. По размеру раны и рваным краям легко определить орудие убийства — та самая пропавшая за завтраком палочка.

Цинь Чжоу присел осмотреть тело. В голове Линь И глухо зазвенело — когда труп перевернули, он, как и тело Ван До, оскалился в улыбке прямо на него.

Этого не заметил никто, даже Цинь Чжоу, склонившийся над телом в поисках улики.

Линь И не отводил взгляд от трупа — жуть от его ухмылки тонула в потоке вопросов.

Ли Ин мертва?

Почему именно она?

Зачем чудовищу её убивать?

Если убийца — Чэн Ян, он сам сделал из неё идеальную подозреваемую. Они с Цинь Чжоу до последнего не сбрасывали с неё подозрений.

И вот теперь она мертва?

Мысли путались. Линь И украдкой взглянул на Чэн Яна и Чжоу Линлин. Девушка дрожала, глаза покраснели от слёз. Она то бросала взгляды на тело подруги, то в ужасе отворачивалась.

На лице Чэн Яна тоже проступал страх, но он старался держаться — ему поручили успокаивать Чжоу Линлин.

Она первой нашла тело, но расспросить её не удавалось — стоило Цинь Чжоу задать вопрос, она начинала кричать, хватаясь за голову.

— Сестра Линлин, может... может, я провожу тебя в комнату? — предложил Чэн Ян.

Находиться здесь и дальше — только травмировать психику. Одного густого запаха крови хватало, чтобы замутило.

Чжоу Линлин покрасневшими глазами в последний раз взглянула на тело подруги. Казалось, хотела что-то сказать — всё-таки последние дни они не разлучались. Но промолчала, только кивнула в ответ.

— Старший брат, брат Линь И, я... я отведу старшую сестру... — Чэн Ян замялся.

Цинь Чжоу обернулся, смерив их тяжёлым взглядом, но ничего не сказал.

— Ну тогда... — Чэн Ян растерянно почесал затылок.

Линь И заметил, как Чжоу Линлин уставилась на руки Цинь Чжоу, испачканные кровью. Её и без того бледное лицо совсем побелело, она дёрнула Чэн Яна за рукав — явно умоляя увести её.

— Ну, мы пойдём, — пробормотал тот. — Старший брат, брат Линь И, вы тут... осторожнее.

Линь И с Цинь Чжоу проводили их пристальными взглядами.

Круг подозреваемых сузился до этих двоих.

Когда шаги стихли, Цинь Чжоу открыл кран, принялся отмывать руки:

— Судя по ране и позе тела, чудовище напало сзади. Ты заметил её предсмертное выражение?

Линь И видел только жуткую улыбку. Не желая рассказывать об этом, соврал:

— Задумался, не обратил внимания.

В такой странной смерти — среди бела дня, от рук чудовища — нет ничего удивительного, что

он отвлёкся.

Цинь Чжоу кивнул, продолжая оттирать кровь:

— По "шкале оценки выражения боли" опущенные брови, слёзы на лице, полуоткрытый рот — десятый уровень мучительной боли. Но глаза не выпучены, зрачки не расширены — она не испугалась перед смертью.

Линь И мгновенно понял намёк. Пусть чудовище напало сзади, но в мире правила 7-7 никто не теряет бдительности, зная об опасности.

Цинь Чжоу закрыл кран, осторожно переступил через лужи крови, проверяя пол — давно не мытые доски противно чавкали под подошвами из-за грязи.

— Чудовище сейчас тоже "человек", даже со спины его шаги должны быть слышны, — рассудил он. — Ли Ин умерла спокойно, значит, знала, кто за спиной, и доверяла этому человеку.

Намёк Цинь Чжоу был очевиден — он указывал на Чжоу Линлин.

— Как тебе их реакция? — спросил он. — Естественная?

Линь И не стал анализировать поведение Чжоу Линлин на предмет нормальной реакции на стресс. Смерть Ли Ин оставалась парадоксом, кто бы ни оказался чудовищем.

Будь это Чэн Ян — зачем убивать Ли Ин сразу после того, как упомянул её при них?

Будь это Чжоу Линлин — она мгновенно становилась главной подозреваемой, что и произошло.

Линь И впился взглядом в тело. Несомненно одно — Ли Ин убило чудовище правила 7-7. И у него была причина.

По словам Цинь Чжоу, чудовище-надзиратель скрывается среди них, подталкивая нарушать правила смерти.

Оно убивает, только если не может направить жертву или считает её угрозой порядку в мире правил.

Ли Ин явно поддавалась "направлению", значит, её убили ради сохранения порядка.

Ради сохранения порядка...

— Она сделала что-то, угрожающее миру правил? — Линь И закусил губу.

— Ей не нужно ничего делать, — отозвался Цинь Чжоу. — Для чудовища сама её жизнь — угроза.

Линь И дёрнулся к выходу, но Цинь Чжоу схватил его за запястье, безмолвно приказывая не спешить.

— Но... — начал Линь И.

Останься Ли Ин жива, следующим шагом стала бы проверка записей в дежурке — найти чудовище через камеры.

Поэтому Ли Ин мертва.

Её смерть застала их врасплох. Сначала шок и неверие.

Потом — поиск причин, ведь она всегда была под подозрением.

Линь И действительно так отреагировал на известие о её смерти — погрузился в анализ мотивов чудовища, упустив очевидное.

Убийство Ли Ин служило единственной цели — поддержать порядок в мире правил.

Сейчас только записи камер могли нарушить этот порядок, раскрыв личность чудовища.

Вот почему погибла именно Ли Ин — её нелепая смерть отвлекла их от проверки камер. Никто не ждал её гибели именно сейчас.

Умри Чжоу Линлин или Сюй Сячжи — это не вызвало бы такого потрясения, они быстро сообразили бы, что смерть лишь способ потянуть время.

Пока они разгадывали загадку, чудовище наверняка уже стёрло записи.

— Старший брат, оно, должно быть, сожрало очень многих, — процедил Линь И.

Он осознал, насколько опасен противник.

Даже сейчас они не могли определить — Чэн Ян или Чжоу Линлин?

Подозрения Цинь Чжоу в адрес девушки, основанные на обстоятельствах смерти Ли Ин, звучали убедительно. Но если бы Чэн Ян не упомянул Ли Ин, они раньше поняли бы отвлекающий манёвр. Да и проводить "потрясённую" Чжоу Линлин тоже вызвался он.

— Они ушли недавно, может, чудовище не успело... — предположил Линь И напоследок.

Цинь Чжоу крепко держал его запястье — такое тонкое, что пальцы полностью обхватывали его.

Он нахмурился — чудовище действительно прекрасно имитировало, переняло их методы и умело их использовало.

— Поздно, темнеет, — отрезал Цинь Чжоу.

По правилу смерти, если не вернуться в комнату до темноты — умрёшь.

Даже если они успеют добраться до записей, толку уже не будет. Нарушив правило, они потеряют право требовать ответов у чудовища.

Шанс проверить камеры безвозвратно упущен.

— Найдём другой способ, — Цинь Чжоу повёл Линь И на третий этаж, к комнате 304. — Маленький гений, не нужно объяснять? Выживи.

Линь И кивнул.

Стемнело. Попрощавшись с Цинь Чжоу, он вошёл в комнату.

Закрыв дверь, глянул на окно — и застыл, не сдержав ругательства:

— Твою мать!

Шкаф исчез!

Куда делся его огромный шкаф?

Пусть после нескольких ночных атак он едва держался, но всё же оставался спасительным щитом. А теперь пропал.

Без шкафа окно прикрывала только занавеска.

Порыв ветра всколыхнул ткань, обнажая черноту за стеклом.

Ледяной воздух, ворвавшийся в комнату, пробрал до костей. Не успел Линь И придумать, чем загородить окно...

Издали донеслось:

Бум-дзынь-дзынь-дзынь, бум-дзынь-дзынь-дзынь.

Бум-дзынь-дзынь-дзынь, бум-дзынь-дзынь-дзынь.

Знакомый ритм — после "бум-дзынь" всегда следует "кр-рк" впивающихся в стену ногтей. Вот и сейчас захрустело.

Медлить нельзя — Линь И рванулся к окну.

Он хорошо изучил комнату 304 — ничего, способного послужить оружием. Единственное подобие щита продырявили когти девушки из вазы прошлой ночью.

Остаётся только попытаться закрыть окно.

Он отдёргнул занавеску — старомодное окно открывалось наружу. Чтобы закрыть его, придётся высунуться наполовину.

Опасный манёвр — судя по скрежету, девушка из вазы уже карабкается по стене.

Если рассчитает время — они встретятся нос к носу.

Но выбора нет.

Линь И решительно высунулся. К счастью, высокий рост и длинные руки позволили дотянуться до створки.

Но старое окно заржавело, петли не желали двигаться.

Он дёрнул сильнее — рама протестующе заскрипела. В ночной тишине звук показался оглушительным. И что-то в этой тишине было неправильным.

Только скрип — стук когтей прекратился.

Линь И замер. Окно затихло. Мёртвая тишина.

Он решил не оглядываться, но боковое зрение не отключишь по желанию.

Краем глаза он не заметил девушку из вазы.

Осмелев, глянул вниз — на стене никого.

Ушла к Сюй Сячжи?

Линь И продолжил бороться с окном, искоса поглядывая на комнату 308.

Несмотря на четыре комнаты между ними, его острое зрение различало каждую деталь. Никаких следов когтей, в отличие от испещрённой дырами стены у 304-й — от одного вида у страдающих трипофобией началась бы паника.

Значит, скрежет точно доносился отсюда.

Линь И глубоко вдохнул.

И резко задрал голову.

Над ним, спрятав красные глаза за спутанными волосами, девушка из вазы внимательно наблюдала.

Заметив его взгляд, она склонила голову набок, и из горла вырвалось возбуждённое:

— Гу-гу-гу-гу-гу.

<http://bllate.org/book/13390/1191458>